

ПРЕОДОЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тунаев старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной
Андрей политологии, Южный федеральный университет
Васильевич (344090, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, 116).
E-mail: Bio-412@yandex.ru

Аннотация

В данной статье обосновывается идея о необходимости исследования влияния идеологического прошлого на современные политические процессы. Идеологическое измерение отношения к историческому прошлому для обоснования политического порядка в России проявляется в артикуляции к идеологическому прошлому. Объектом исследования выступают проявления идеологического прошлого в современном политическом дискурсе. Автор выводит определение идеологического прошлого, основываясь на синтезе понятий идеологии, исторического прошлого и коллективной памяти. Новизна исследования заключается в актуализации концепта идеологического прошлого в перспективе исследования тенденций идеологизации общества на основании когнитивно-дискурсивного подхода к идеологии. Основным выводом является констатация влияния идеологического прошлого на формирование мировоззрения, культурно-социологического мировоззрения индивидов и существующего политического порядка.

Ключевые слова: идеология, идеологическое прошлое, идеологемы, преодоление прошлого, постсоветское общество, политический порядок, идеократия, коллективная память, дискурс, социализм.

Современные международные и внутривоссийские процессы, осложнение российско-украинских отношений, появление новых очагов военного противостояния приводит к тому, что в публичных выступлениях политиков, дискурсе, СМИ и публицистике возрос интерес к теме идеологического противостояния государств. После распада СССР Россия и многие другие страны рассматривались как объект распространения политической модели Запада. Экспансия приводит к актуализации различных форм противостояния, что, в свою очередь, формирует запрос на использование идеологической риторики во внутренней и внешней политике. Данные процессы находят обоснование в формировании политического порядка на основании идеологического прошлого [1, с. 52-53]. Процессы идеологизации властно-управленческих решений с целью легитимации политического порядка в современной России вызывают исследовательский интерес. Идеологическое прошлое несомненно оказывает влияние. Академик РАН Ю.С. Пивоваров утверждает, что российское общество живет в советской посткоммунистической России [1, с. 54]. Страна перестала быть коммунистической, однако сохранила качества советского общества, эволюционировав в новую форму без доминирования идеологии. Советское в данном контексте академик понимает как форму русского массового общества и процесса своеобразной урбанизации, сведение высокой культуры к примитивизму политических и социальных моделей организации общества. Идеологическое прошлое непосредственно связано с идеократией [2]. Взаимосвязь государства, идеологии и общества характеризуется сложными механизмами, определяющими политическую систему. В российской Конституции 1993 года определено, что ни одна идеология не может быть установлена в качестве государственной и обязательной. Это положение предполагает плюрализм в политической системе идей и ценностей, невозможность установления политического режима с доминированием одной идеологии. Однако, конституционными рамками не всегда удается решить проблему использования идеологического прошлого как инструмента обоснования политического порядка современности. Зачастую идеи и ценности приобретают форму политических традиций и распространяются как основополагающие принципы легитимности, культивируются посредством политических мифов и идеологем. Идеология прошлого продолжает влиять на систему ценностей и ориентиров для формирования политического порядка, только не в формате целостной конструкции идеологических парадигм, а используя идеологемы, мифы и традиции.

Исследования влияния идеологического прошлого на ценностные ориентиры современного общества, принципы и основы формирования политико-исторической идентичности отражены в различных направлениях политической науки. Институциональная теория [3, 4] предлагает рассматривать процесс исторической преемственности через трансляцию институциональных матриц; теория бюрократии [5] актуализирует исследования свойственного для государства типа бюрократического управления, сохраняющегося при любых конфигурациях политического порядка. Политическая социология анализирует воспроизводство определенного социотипа индивида с традиционными политическими установками, которые доминируют в формировании ценностных ориентаций поведения [6, 7, 8]. Стратегии отношения к историческому прошлому, формирование моральных оценок, коннотации и влияние нарративов на политические процессы формируют предметное поле политической психологии и семиотики [9,10]. Влияние идеологического прошлого на современные социально-политические процессы имеет сложные причинно-следственные связи. Исследование принципов политического конструирования и использования идеологического прошлого как инструмента для формирования дискурса определяет тенденции идеологического вмешательства в легитимацию политического порядка в государстве. Такая постановка проблемы позволяет проанализировать сложности становления в современной России ценностей либерального конституционализма, объяснить интерес к традиционным властно-управленческим моделям, духовно-нравственным ценностям, исторически сложившейся национальной идентичности. Оценка исторических периодов определенно формирует ориентиры будущих целей общественного развития, ответ на вопрос «В каком обществе мы хотим жить?» напрямую взаимосвязан с отношением к историческим событиям. Прошлое регулярно актуализируется в современности, выступает объектом легитимации политических решений и выбранного курса социально-политического развития.

Идеологическое прошлое

Для определения концепта идеологического прошлого мы будем основываться на синтезе трех понятий: коллективная память, историческое прошлое и идеология. Понятие коллективной памяти используется в рамках концепции А. Ассман [11]. Теория коллективной памяти, предложенная немецким историком и культурологом, характеризуется междисциплинарностью и носит символический характер. Коллективная память передается из поколения в поколение через символы, ритуалы, памятные даты, мемориальную культуру. История и память – взаимодополняющие понятия, проявляются друг в друге, исторические события приобретают свойства мемориализации. Коллективная память связана с социальной коммуникацией. Носителем памяти выступает мозг индивида, матрицу воспроизводства памяти задают символические медиаторы. Обращение к историческому прошлому связано с современными проблемами, поиском исторического обоснования существующей социальной реальности. Основываясь на концепции французского философа Р. Барта [12, с. 340], историческое прошлое представляет собой нарративные конструкции, малосвязанные с реальными историческими событиями и подчиненные идеологическому дискурсу. Следовательно, историческое прошлое – воображаемая конструкция, выраженная в дискурсе настоящего и использующаяся для создания вымышленной репрезентации исторических событий. Идеология выполняет ряд важных политических функций. М. Фриден подчеркивает, что когнитивные свойства идеологии выполняют функцию легитимизации, интеграции, социализации, упорядочения, упрощения и ориентации действия. [13, 14]. Когнитивный подход к идеологиям, предложенный Фриденем, следует дополнить лингвистическим пониманием идеологии как системы взглядов и социологическим как выполняющим функцию господства-подчинения. Согласно Т. ван Дейку, идеологии обнаруживают принципиальное сходство с аттитюдами [15, с. 1612]. В дискурсивном измерении это сходство представлено диалогикой «вопрос – ответ»; на когнитивном уровне – структурой «проблема – ее решение»; на социальном уровне – конфликтом интересов [15, с. 1610]. Таким образом, идеологическое прошлое представляет собой репрезентацию идеологических процессов в историческом прошлом, включенное в когнитивно-дискурсивную матрицу оценки современного политического порядка.

Рассуждая об идеологическом прошлом, обратимся к истории, в которой есть два примера тоталитарных государств: СССР сталинского периода и Третий рейх, в которых соответственно воспроизводились идеологии большевизма и нацизма [16].

Созданные в этих государствах тоталитарные режимы базировались на четырех основных принципах: жесткая иерархическая система государственного управления; вождизм; идеократия и репрессивный аппарат для устранения инакомыслящих и несогласных. Данные режимы могли существовать только при наличии постоянной идеологической подпитки политического порядка, актуализации идеи «опережающего развития» для мобилизации общества. Опубликованная немецким историком Эрнстом Нольте статья «Прошлое, которое никогда не пройдет» в *Frankfurter Allgemeine Zeitung* послужила развязыванию в восьмидесятых годах прошлого века «спора историков» – дискуссии о причинах прихода к власти нацистов в Германии с позиции взаимовлияния режимов национал-социализма и большевизма. Нольте предлагает заключить СССР и нацистскую Германию в матрицу идеологического противостояния. Европа разбивалась на три идеологических лагеря: национал-социализм, большевизм и либерализм, что привело к тотальному противостоянию государств по примеру гражданской войны. Перед Второй мировой войной противостояние национал-социализма и коммунизма создавало новую реальность для Европы и всего мира. Либерализм с гарантиями экономических, духовных и индивидуальных свобод дискредитировал себя как ценность, не способен на социально-политическую мобилизацию и милитаризацию, борьбу с экономическим кризисом. Впоследствии государствам с либеральной идеологией отводилась участь вступить в противостояние с победителем, что доказала история «Холодной войны». Договоренности между СССР и США, стратегии по разделу сфер влияния создали предпосылки для продолжения идеологического противостояния, которое можно наблюдать в современных локальных конфликтах и геополитических процессах. Идеологическое прошлое может послужить одним из способов интерпретации взаимоотношений России с европейскими государствами и США после распада биполярной системы миропорядка, а также использоваться для легитимации принимаемых решений в международной и внутренней политике.

Интерпретация истории имеет большое значение для легитимации политического порядка. Закономерно возникает вопрос о принципах использования идеологического прошлого различными социальными группами. Например, приемлемо ли использование властью памяти об идеологическом прошлом, символах прошлых побед и достижений, нарративах о важности традиций и единства для конструирования политического порядка, и формирования дискурса в современности? Следуя логике Э. Нольте, который однозначно выступает за преодоление идеологического прошлого, можно утверждать, что власть не должна постоянно апеллировать к исторически существовавшим формам государства для формирования политического настоящего. Преодоление идеологического прошлого невозможно без формирования новой политической культуры [11], в которой ответственность за понесенные жертвы и собственные преступления должна ложиться на государство и последующие поколения. Однако это преодоление заключается не только в осознании жестокости идеологических режимов и устранении опасности воспроизводства элементов идеологического прошлого, но и в формировании многообразия мнений и способов апеллирования к истории. Например, немецкий философ Герман Люббе, критиковавший «высокие идеологии», к которым он относил национал-социализм и различного рода «интернационал-социалистические» идеологии. Объединяющим фактором «высоких идеологий» выступал отказ от здравого смысла (*common sense*) конвенциональной морали и подменой ее политическим морализмом. Г. Люббе, анализируя последствия идеологического влияния в динамике современной культуры, отмечал, что формирование «исторического сознания» должно быть деидеологизированным и политически нейтральным [17]. Идеологическое прошлое должно стать предметом широкой общественной дискуссии без ограничений и без отсутствия нежелательных тем для обсуждения, иначе прошлое превращается в конструкт, с позиции которого можно диктовать и указывать обществу на моральные, социально-политические и иного рода ориентиры. Такая возможность выгодна для власти. Обладая институциональной системой (образование, культура, армия, СМИ), власть может использовать идеологическое прошлое для легитимации политического порядка. Немецкое общество решило проблему де-

идеологизации путем подмены дискуссии о правых и левых идеологиях в историко-политических дебатах на обсуждение прав человека в качестве нормативной основы для политических решений и моральных оценок исторических событий [11, с. 278-285].

Идеологическое прошлое и современная Россия

Преодоление прошлого в современной России одновременно связано с осознанием идеологических компонентов коммунистического периода и поиском ценностно-идеологических конструкций для формирования политических приоритетов в ситуации кризиса демократических и либеральных ценностей. Можно с уверенностью утверждать, что современная Россия не преодолела советское идеологическое прошлое, колеблясь то назад, превознося ценности коммунистического режима, то вперед, пробуя воспроизводить либерально-демократические институты. Известный историк Р. Пайпс [18] выделяет следующие причины специфики такого развития. Во-первых, отношения религии и государства. Светское государство подразумевает, что религия становится личным делом каждого и не имеет никакого отношения к политике. Христианство приходит в Россию из Византии, а не из Рима, что навсегда определяет положение России на религиозной карте мира, превращая ее в цивилизацию, чуждую и Востоку, и Западу. Для формирования своей религиозной независимости, в России формируется концепция Третьего Рима. Религиозная концепция осадной крепости в политическом дискурсе формирует представления о том, что Россия не является частью мирового сообщества и постоянно ищет оппонентов в международных отношениях. В политико-идеологической сфере формируется концепция «особого пути» – противостояние Российского государства либерально-демократическим государствам и процессам глобализации. Во-вторых, пространственно-управленческий фактор влечет за собой ряд институционально-организационных особенностей. Прежде всего, это низкое качество управления государством, несмотря на постоянные заявления всех правителей России о создании эффективной иерархии системы государственного управления.

Следующим немаловажным следствием, вытекающим из обширности территории, является слаборазвитое национальное чувство. Для русских характерна привязанность к малой Родине, чем к стране в целом. Такой фактор прослеживается во всех государственных образованиях, существовавших на территории России, будь то Российская империя, Советский Союз или современная Россия. Ни одно из этих государственных образований не сумело создать гражданскую нацию. Как показывает практика, русские чувствуют постоянную опасность со стороны своих же граждан [5]. Такое состояние не позволяет сплотиться для формирования политического единства и согласия, что уменьшает ценность свобод и прав отдельного индивида. Обширность территории страны в сознании граждан создает впечатление о том, что Россия является великой державой. Здесь происходит подмена понимания величия страны: вместо благополучия, безопасности и экономического достатка граждан критериями величия становятся: географическое положение, наличие природных ресурсов, победа над нацистской Германией и постоянное соперничество за доминирование в международных процессах. Распад Советского Союза не мог не пошатнуть уверенность людей в правильности политического развития, основанного на имперских ценностях. В постперестроечное время в общественном сознании доминировало понимание отсталости страны от государств с рыночной экономикой, необходимость демократизации и либерализации экономических отношений. Однако это не привело к дискредитации ценности коммунистического прошлого, имперского и самобытного сознания.

Реформы, проводимые в России в начале 90-х гг., привели к тяжелым экономическим последствиям для населения. Капитализм не имел институциональных и правовых оснований для эффективного функционирования. Сложившаяся ситуация позволяет современной власти ссылаться на кризис 90-х годов как на следствие либеральных реформ и демократизации, использовать для легитимации политического порядка идеологическое прошлое.

Таким образом, политическое сознание россиян идеологически фрагментировано. Часть граждан испытывают ностальгию по советскому прошлому, другие хотят видеть Россию цивилизационным центром мира, третьи ведут постоянные поиски критериев самобытности и исключительности как страны, так и народа.

Невозможность консолидированно сформировать отношение к идеологическому прошлому приводит к поиску идеологических конструкций, способных совместить различные

исторические проекты Российского государства. В такой ситуации становятся востребованными эклектичные идеологические проекты. Примером может послужить современный проект евразийства, содержащий компоненты самобытности России в национально-государственном устройстве, территориальных и религиозных формах организации.

Литература

1. Пивоваров Ю.С. «...И в развалинах век» // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 52–77.
2. *Piekalkiewicz J., Penn Alfred W.* The Politics of Ideocracy. Albany: State University of New York Press. 1995. 274 с.
3. Нойманн Ф. Бегемот. Структура и практика национал-социализма, 1933-1944. – СПб.: Владимир Даль, 2015. 591 с.
4. Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
5. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство, часть 1: монография. – Ростов-на-Д.: Март, 2013. 652 с.
6. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. – М.: Эксмо, 2008. 650 с.
7. Геллер М.Я. Российские заметки, 1969–1979. – М.: МИК, 1999. –567 с.
8. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 336 с.
9. Коукер К. Сумерки Запада. – М.: Московская Школа Политических Исследований, 2000. – 270 с.
10. Слотердайт П. Критика цинического разума. – Екатеринбург.: Изд-во Уральского университета, 2001. 584 с.
11. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
12. Барт Р. Дискурс истории // Система моды. статьи по семиотике культуры / Пер. с фр. м.: изд. во им. Сабашниковых, 2003. С. 438–440.
13. Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области / С.П. Поцелуев, М.С. Константинов, П.Н. Лукичев и др. – Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2016. 396 с.
14. *Freedon M.* 2006. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. — Oxford: Oxford University Press. 602 p.
15. Поцелуев С.П., Константинов М.С. Имперский палингенез: праворадикальные идеологемы в студенческой среде (статья первая) // Политика и общество. 2016. №. 12 (144). С. 1608-1619.
16. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. – М.: Логос, 2003. 527 с.
17. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. – М.: Высшей школы экономике, 2016. 456 с.
18. Россия на рубеже веков, 1991 – 2011 / В.П. Булдаков, Л.Д. Гудков, А.Б. Зубов, и др. – М.: РОССПЭН, 2011. 159 с.

Tupaev Andrey Vasilyevich, Senior Lecturer of the theoretic and applied political science, Southern Federal University (116, Dneprovskiy, Rostov-on-Don, 344090, Russian Federation).
E-mail: Bio-412@yandex.ru

OVERCOMING THE IDEOLOGICAL PAST IN MODERN RUSSIA

Abstract

The base of this article is an idea about research necessity of the ideology of the past influence on contemporary political processes. Ideological dimension of attitude toward historical past for substantiation of the political order in Russia is revealed with articulation to ideological past. The matter is manifestation of the ideological past in contemporary political discourse. The author makes a definition of the ideological past, based on the ideology, historical past and collective memory synthesis. The novelty is a relevance ideological past concept with the research of society ideologization using the cognitive-discourse analysis.

The main inference is statement about the historical past influence on view, cultural-sociologic individual view and contemporary political order.

Keywords: *ideology, ideological past, ideologems, overcoming the past, post-Soviet society, political order, ideocracy, collective memory, discourse, socialism.*

References

1. Pivovarov YU.S. «...I v razvalinah vek» // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. № 6. P. 52–77.
2. Piekalkiewicz J., Penn Alfred W. The Politics of Ideocracy. Albany: State University of New York Press. 1995. 274 p.
3. Nojmann F. Begemot. Struktura i praktika nacional-socializma, 1933-1944. – SPb.: Vladimir Dal', 2015. 591 p.
4. Nort D.K. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ehkonomiki. – M.: Fond ehkonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. 180 p.
5. Makarenko V.P. Russkaya vlast' i byurokraticeskoe gosudarstvo, chast' 1: monografiya. – Rostov-na-D.: Mart, 2013. 652 p.
6. Zinov'ev A.A. Ziyayushchie vysoty. – M.: EHksmo, 2008. 650 p.
7. Geller M.YA. Rossijskie zametki, 1969–1979. – M.: MIK, 1999. 567 p.
8. Pivovarov YU.S. Russkoe nastoyashchee i sovetskoe proshloe. – M.: Centr gumanitarnyh ini-ciativ; Universitetskaya kniga, 2014. 336 p.
9. Kouker K. Sumerki Zapada. – M.: Moskovskaya SHkola Politicheskikh Issledovaniy, 2000. – 270 p.
10. Sloterdajk P. Kritika cinicheskogo razuma. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2001. 584 p.
11. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 p.
12. Bart R. Diskurs istorii // Sistema mody. stat'i po semiotike kul'tury / Per. s fr. m.: izd. vo im. Sabashnikovyh, 2003. P. 438–440.
13. Igry na ideologicheskoy periferii. Pravoradikal'nye ustanovki studencheskoj molodezhi Rostovskoj oblasti / S.P. Pocoluev, M.S. Konstantinov, P.N. Lukichev i dr. - Rostov n/D.: YUNC RAN, 2016. 396 p.
14. Freedman M. 2006. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. – Oxford: Oxford University Press. 602 p.
15. Pocoluev S.P., Konstantinov M.S. Imperskij palingenez: pravoradikal'nye ideologemy v studencheskoj srede (stat'ya pervaya) // Politika i obshchestvo. 2016. № 12 (144). P. 1608-1619.
16. Nol'te EH. Evropejskaya grazhdanskaya vojna (1917—1945). Nacional-socializm i bol'shevizm. – M.: Logos, 2003. 527 p.
17. Lyubbe G. V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem. – M.: Vysshej shkoly ehkonomike, 2016. 456 p.
18. Rossiya na rubezhe vekov, 1991 – 2011 / V.P. Buldakov, L.D. Gudkov, A.B. Zubov, i dr. – M.: ROSSPEHN, 2011. 159 p.